

УДК 94(47).043

*Т.М. Пенская, В.В. Пенской***ГЛАВНАЯ ВОЙНА ИВАНА ГРОЗНОГО**

Рассматриваются проблемы, связанные с историей внешней политики и военной историей Русского государства во 2-й половине XVI в. Авторы статьи предлагают оригинальную трактовку военных конфликтов, в которых участвовала Россия в правление Ивана Грозного, их значения и результатов.

Ключевые слова: Россия, XVI в., внешняя политика, Иван Грозный, Ливонская война, русско-татарские войны.

Какая война была для Ивана Грозного главной? Казалось бы, странный вопрос! Общеизвестно, что главной для него, делом всей жизни, была Ливонская война, которая началась с вторжения царской рати под водительством князя М.В. Глинского и бывшего казанского «царя» Шигаля (Шах-Али) в Ливонию в январе 1558 г. и завершилась четверть века спустя подписанием перемирия между Россией и Швецией. И в том, что это так, нас убеждает обзор работ, так или иначе затрагивающих проблемы, связанные с внешней политикой Русского государства в царствование Ивана Грозного. Достаточно взять в руки обстоятельное исследование А.Л. Хорошкевич, посвященное внешней политике Русского государства в 3-й четверти XVI в., в котором западное направление русской внешней политики того времени освещено не в пример лучше, чем, условно говоря, «восточное» [30]. Работы же, в которых «восточному», «татарскому» направлению уделено большее внимание, как правило, известны меньше и преимущественно узкому кругу специалистов [20; 22]. При этом что те, что эти исследования, затрагивая дипломатический аспект внешнеполитических усилий Москвы, практически не рассматривают (или, в лучшем случае, вскользь) их военную составляющую, хотя для той эпохи, как, пожалуй, ни для какой другой, приложима максима прусского военного теоретика К. фон Клаузевица о том, что «война есть... подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами» [4. С. 47].

Но если попытаться рассмотреть внешнеполитический курс России комплексно, как минимум с двух сторон, военной и дипломатической, не ограничиваясь анализом дипломатической документации и летописей [3; 5-9; 11 и др.], но и привлекая к нему еще и разрядные записи [12-16] (о самих разрядных книгах см., напр.: [17; 18]), то очень скоро станет ясно, что все не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Вернемся к самому началу, к январю 1547 г., к тому времени, когда юный Иван венчался на царство и перед ним и его советниками встала необходимость определиться с основным направлением приложения внешнеполитических усилий. По большому счету, выбирать было особо не из чего. После распада Золотой Орды в Восточной Европе образовался некий вакуум силы, заполнить который попытались три силы – молодое Русское государство, находившееся на подъеме, Великое княжество Литовское, лучшие годы которого были уже позади и вступившее в эту борьбу, если так можно выразиться, по инерции, и, наконец, Крымское ханство (правда, ему, для того чтобы стать полностью самостоятельным игроком, явно не хватало ресурсов, почему крымские ханы и мечтали привести под свою руку осколки Золотой Орды). Тогда-то, в конце XV – начале XVI в., и завязываются два узелка, литовский и татарский, в распутывании которых Ивану Грозному придется принять участие.

Главная проблема, перед которой оказался молодой царь, заключалась в том, что его деду (Ивану III Великому) удавалось, худо ли, бедно ли, но поддерживать относительно нормальные отношения с татарскими юртами. Пользуясь тем, что не нужно было постоянно держать значительные силы на южной и восточной границах, Иван III успешно воевал с Литвой. Однако отцу Ивана Грозного Василию III повезло меньше. Крым занял откровенно недружелюбную позицию по отношению к Москве, а потом и вовсе перешел в стан открытых недругов Русского государства. Символом этого перехода стал успешный набег хана Мухаммед-Гирея I в 1521 г., «крымский смерч» [21. С. 240], когда он едва не взял Москву и вынудил Василия III дать обещание платить, как в старые «добрые» времена ордынского господства, дань, на этот раз крымскому «царю». В Казани после смерти Ивана III также оживилась партия «войны», и к крымскому фронту добавился еще и казанский. Понятно, что в этих условиях вести столь же успешные, как и раньше, военные действия против Литвы было невозможно, и взятие на инерции прежних успехов Смоленска в 1514 г. ознаменовало предел московской экспансии на западном направ-

лени. Однако правящая элита Великого княжества Литовского отнюдь не была намерена мириться с утратой значительных территорий на восточной границе [6. С. 576], и прочный мир между Москвой и Вильно так и не был заключен. Вопрос заключался только в том, когда начнется новая русско-литовская война и что станет поводом для ее начала.

Но при выборе главного вектора внешнеполитических усилий нужно было учитывать и такой момент – конечно, сказать, что на русско-литовской границе было спокойно, нельзя, список взаимных обид и претензий был велик и постоянно увеличивался. Однако худо ли, бедно ли, но взаимные наезды пограничных «лордов» и мелкие разбои на «литовской Украине» – это мелочь по сравнению с тем, что происходило на Украинах крымской и казанской, где необъявленная война фактически не прекращалась. И татарская угроза выглядела более внушительно, чем литовская – хотя бы потому, что в последний раз литовские рати подступали к Москве в незапамятные времена, еще при Дмитрии Ивановиче Донском, а татары – совсем недавно, всего четверть века назад, и гарантии, что такой набег не повторится в обозримом будущем, не было. Так, в 1545 г. хан Сахиб-Гирей I, требуя отправки к нему поминок, отписывал в Москву: «А чего мы у тебя в запросе просим, и ты того не даешь, малым давньем хочешь мириться. С нами тебе мириться и ратитца, то у тебя в своих руках. По нашей мысли дашь, и мы помиримся, и не похочешь дати, заратися похочешь (хан намекал на свой поход на Москву в 1541 г. – *Т.П., В.П.*)... и то в твоих же руках. Дотоле был ты молод, а нынче уже в разум вшел еси, которое тебе прибылнее и убыточнее и ты знаешь, посмотри, поразсуди» (Цит. по: [23. С. 250-251]). Намек был более чем прозрачен, особенно если учесть, что тот же Сахиб-Гирей уже ходил на Оку в 1541 г., и его попытка переправиться через реку и двинуться дальше была отражена с большим трудом [25].

И выбор был сделан. В декабре 1547 г. Иван отправляется в свой первый Казанский поход, и возобновившиеся казанские войны завершились в октябре 1552 г. взятием Казани и присоединением казанского «юрта» к Москве (хотя это присоединение оказалось непрочным и для того, чтобы заморить окончательно «подрайскую землицу», пришлось потратить еще немало времени и сил). Логическим продолжением казанской эпопеи стала астраханская, развивавшаяся по тому сценарию, что и казанская: от попыток посадить на астраханский стол марионеточного хана до аннексии астраханского «юрта».

На это ушло без малого 9 лет, и за эти годы отношения между Москвой и Крымом (и стоявшим за его спиной Стамбулом) резко обострились. Похоже, что и в Бахчисарае, и в особенности в Стамбуле, были серьезно обеспокоены нарушением баланса сил в Восточной Европе, вызванном падением двух татарских мусульманских юртов, и решили предпринять действенные контрмеры. Стамбул, не желая ввязываться в восточноевропейские политические проблемы (поскольку у него хватало головной боли и на Балканах, и в бассейне Средиземного моря), решил, оставляя за собой свободу действий и не желая преждевременно портить отношения с Москвой, «сковать ее по рукам и ногам» через посредство Крыма [24. С. 252]. Параллельно решался и другой вопрос, сильно волновавший Стамбул: Русское государство уже не смогло бы вступить в антиосманскую коалицию, планы создания которой давно вынашивались в Риме, Вене и Венеции. И мы склоняемся к мысли, что дворцовый переворот в Крыму в 1551 г., в результате которого излишне самостоятельный и строптивый, с точки зрения султанского двора, хан Сахиб-Гирей I был убит, а на его место воссел его племянник Девлет-Гирей I [19. С. 63], был обусловлен не в последнюю очередь именно этими соображениями Сулеймана Великолепного и его советников.

Новый хан получил из Стамбула карт-бланш на действия в Восточной Европе. Так, в феврале 1552 г. султан в своем послании писал ему, что «поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей – как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены [нами] вашему ясному разумению». И далее падишах недвусмысленно указывал своему вассалу: «Примите все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] враги веры не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищена от презренных неверных» [2. С. 103, 104]. Такие пожелания султана более чем устраивали Девлет-Гирея и в особенности «партию войны» в его окружении, поскольку, с одной стороны, чрезмерное усиление Москвы противоречило долговременным стратегическим интересам Бахчисарая, который со времен Менгли-Гирея I целенаправленно вел политику по приведению под свою руку обломков распавшейся Золотой Орды. С другой же стороны, экономические связи с Москвой не были настолько важны для Крыма, как, к примеру, для Казани или Ногайской Орды, чтобы разрыв их мог болез-

ненно сказаться на экономике Крыма (чего не скажешь о прекращении крымских набегов на русские земли – добыча, полученная в ходе этих набегов, неважно, имуществом ли, скотом ли, людьми ли, имела важное значение для хозяйства Крыма и, как следствие, поддержания политической и социальной стабильности внутри ханства).

Эти и, возможно, ряд других соображений в немалой степени способствовал тому, что с 1552 г. Девлет-Гирей вступает с Иваном Васильевичем в период долгой конфронтации. «Война двух царей» продолжалась фактически четверть века, до самой смерти Девлет-Гирея в 1577 г. Апогей ее пришелся на 1571–1572 гг., когда Девлет-Гирей дважды ходил на Москву. В первом походе, в мае 1571 г., ему удалось нанести русским войскам поражение на окраинах Москвы и сжечь русскую столицу, опустошив ее окрестности и уезды к юго-востоку от нее. Во втором же, летом 1572 г., хан потерпел сокрушительное поражение при Молодях, последствия которого были весьма и весьма значительны для Крыма, и для России, и для всей Восточной Европы. И в этой «незнаменитой» необъявленной войне (сам Девлет-Гирей писал Ивану, что де «мы с тобой с братом моим временем бранимся, а временем и миримся...») (Цит. по: [20. С. 132]) – шахматная партия, в которой пешками были живые люди) Иван сумел в конце концов одолеть своего соперника.

Именно эту войну, которую можно смело назвать войной за Ордынское наследство, мы и полагаем для царствования Ивана Грозного главной. Недаром сам Иван писал, что в случае успеха Крым был бы только одной саблей, тогда как Казань другой, Астрахань – третьей (а казанцы и астраханцы непременно припомнили бы Ивану обстоятельства их покорения), а ногаи – четвертой, и все бы они «секли» Русскую землю [28. С. 163]. Можно только представить, как развивались бы события дальше и как изменилась бы геополитическая обстановка в Восточной Европе, если такой сценарий был бы реализован на практике! Стоит отметить, что ни Сигизмунд II, «заклятый друг» Ивана Грозного, ни Стефан Баторий – оба так и не смогли создать угрозы непосредственно Москве и сердцу Русского государства, тогда как Девлет-Гирей сумел это сделать по меньшей мере дважды. Кстати, А.В. Виноградов в этой связи отмечал, что Девлет-Гирей «возглавлял семь походов на Русское государство (1552, 1555, 1562, 1565, 1571, 1572 гг.) и участвовал в совместной с турками астраханской экспедиции 1569 г. Готовившиеся ханом крупные походы в 1556 и 1559 гг. не состоялись. Таким образом, на протяжении своего царствования Девлет-Гирей I провел или планировал десять военных кампаний против Русского государства, в том числе такие крупномасштабные, как в 1571 и 1572 гг. Пять нападений было совершено крымскими царевичами – сыновьями хана (1558, 1563, 1570, 1573 гг.), причем все они, кроме 1568 г., возглавлялись калгой Мухаммед-Гиреем и осуществлялись либо с прямой санкции отца, либо при его явном одобрении» [19. С. 64]. Что еще может нагляднее показать, какой фронт и какая война для Ивана Грозного были главными?

Итак, налицо три войны с татарами, в которых Иван сумел одержать верх, пусть и дорогой ценой, и существенно прирастить территорию своего государства. И длились эти войны, кстати, фактически без перерыва тридцать лет, с 1547 по 1577 г. (если не считать началом казанской эпопеи поход князя С. И. Микулинского в 1546 г.). Победа в этих войнах, которые, подчеркнем еще раз, мы считаем составными частями одной большой войны за Ордынское наследство (все они теснейшим образом связаны одна с другой и вытекают одна из другой), потребовала огромных усилий и жертв. Достаточно указать, что овладение Казанью потребовало организации трех крупномасштабных походов, в которых приняла участие большая часть вооруженных сил Русского государства. Спустя почти двадцать лет, в 1571 г., ценой ошибки воевод стал грандиозный московский пожар и десятки тысяч убитых и полоненных татарами русских людей, и, для того чтобы одержать над ханом и его ратями убедительную победу в следующем, 1572 г., потребовалось еще раз напрячь усилия всей страны. И в итоге, когда потребовалось собрать необходимые силы для того, чтобы дать отпор Стефану Баторию, их у Ивана Грозного уже не оказалось. Если в Полоцкий поход 1562/1563 г. Иван выступил во главе войска численностью около 50-55 тыс. бойцов, то спустя полтора с небольшим десятилетия, в 1579 г., он смог собрать вполнину меньше ратных людей, боевой дух которых был уже не тот, как в конце 50-х – нач. 60-х гг. (о чем свидетельствуют сохранившиеся документы конца Баториевой войны [1. С. 218, 220-221]).

И вот теперь от войны за Ордынское наследство можно плавно перейти ко второй войне, традиционно считающейся главной и вместе с тем как будто самой известной и на первый взгляд основательно изученной – войне Ливонской, которая длилась четверть века, с 1558-1583 гг. Однако именно на первый взгляд, поскольку, обратив на этот конфликт пристальный взор, нетрудно заметить внутренние противоречия в привычной, натверженной со школьных лет и студенческой скамьи, картине.

Пожалуй, первым на это в современной отечественной историографии обратил внимание санкт-петербургский исследователь А. И. Филюшкин, высказавший идею о том, что сам конструкт «Ливонская война» – выдумка историков много более позднего времени, чем сама эта война. Для современников же такой войны и вовсе не было, а была цепочка военных конфликтов в Северо-Восточной Европе между несколькими ведущими государствами региона – Россией, Великим княжеством Литовским, Швецией и Данией, вызванных борьбой за доминирование на Балтике и раздел Ливонии [29].

При этом подчеркнем, что, на наш взгляд, Ливония к середине XVI в. представляла собой «большого человека» Европы, и все заинтересованные стороны с вожделием посматривали в ее сторону, не желая упустить момент, когда этот «больной человек» испустит дух с тем, чтобы первыми успеть предъявить свои права на его наследство. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно рассмотреть причины ослабления Ливонской конфедерации. Отметим лишь, что как, пожалуй, главным следствием ее упадка к середине XVI в. стало то, что в северо-восточной части Европы во весь рост встали два вопроса, которые станут причиной неоднократных войн в этом регионе – «балтийский» и «ливонский». А. И. Филюшкин четко разделяет их, и мы согласны в этом с ним, ибо при тесной взаимосвязи балтийский вопрос носил все же «морской» характер, тогда как ливонский – «наземный» [29. С. 91-93]. Соответственно и главные участники в них, и цели, которые они преследовали, были разные. В первом случае это были Дания и Швеция, сражавшиеся за господство на Балтике, а во втором – Россия и Великое княжество Литовское (с 1569 г. Речь Посполитая), для которых борьба за Ливонию стала продолжением противостояния, уходящего корнями еще во 2-ю половину XIV в. Так или иначе, но и в том, и в другом случае (в первом в меньшей степени, во втором – в большей) речь шла о том, кто наложит руку на ливонское наследство и заполнит тот геополитический вакуум, который неизбежно должен был образоваться в результате смерти «большого человека». И, учитывая сложившуюся к тому времени обстановку и отношения между потенциальными претендентами (в особенности между Россией, Литвой и Швецией), война за Ливонское наследство становилась неизбежной. Вопрос был в том, кто ее начнет первым.

В этой связи можно задать вопрос: а почему, собственно, считается, что война началась в январе 1558 г. с вторжения русских войск во владения дерптского епископа? Тремя годами раньше разгорелся пограничный конфликт между Москвой и Стокгольмом, быстро переросший в полномасштабную войну, закончившуюся в 1557 г. победой России. Связь этого конфликта с будущей войной за Ливонию представляется несомненной, и тем более это может быть отнесено к так называемой войне коадьюторов 1556-1557 гг., по итогам которой великий князь литовский и король Польши Сигизмунд II навязал ливонцам Позвольские соглашения (подробнее об этой войне и ее итогах см.: [27]). Фактически он первым попытался застолбить свое исключительное право на ливонское наследство, но не слишком преуспел в этом, ибо практически сразу после того, как были заключены эти соглашения, в процесс вмешался Иван Грозный.

Но, характеризуя действия Ивана на начальном этапе собственно Ливонской войны (1558-1561 гг.), закончившейся распадом Ливонской конфедерации и ее разделом между заинтересованными сторонами, стоит заметить, что на первых порах, судя по количеству брошенных в дело войск и характерной тактике, русский царь отнюдь не преследовал далеко идущих целей. В условиях, когда он вел напряженную войну с Крымом и остро нуждался в деньгах и ресурсах для продолжения наступления в южном направлении, лишняя война ему была не нужна (обращает на себя внимание тот факт, что война со Швецией завершилась для шведов относительно мягко). Взыскать же «юрьевскую дань» для пополнения казны, которую, по образному выражению В. О. Ключевского, «заедала рать» с татарами, и добиться отмены дискриминационных мер по отношению к русским купцам, открыть ворота на Запад для того, чтобы получать там технологии, приглашать специалистов и покупать сырье и материалы, отсутствовавшие в России, – это было бы совсем нелишним в раскручивавшемся маховике противостояния с Крымом. К большой войне на этом направлении Иван не готовился и не ждал ее, и его действия после того, как выяснилась чрезвычайная слабость Ливонской конфедерации, носили ярко выраженный импровизационный и непоследовательный характер. Заметим, что боеспособность реформированного и закаленного в многолетней войне с татарами русского войска была более чем высока и Иван Грозный мог в кратчайшие сроки, за одну, максимум две кампании, подчинить себе если не всю, то, во всяком случае, большую и лучшую часть Ливонии. Тем самым он ставил литвинов, поляков, шведов и датчан, не говоря уже об императоре, перед свершившимся фактом и имел отличные козыри для последующего дипломатического торга вокруг дальнейшей судьбы Ливонии. Однако этого не случилось. Военные

действия на ливонском фронте шли вяло, периоды активизации сменялись долгими перемириями или затишьем. Но даже при таком отношении, не привлекая к войне на этом направлении значительных сил (см., напр.: [25]), к 1561 г. русский царь неплохо преуспел в дележе ливонского наследства. По итогам войны 1558-1561 гг. он сумел заполучить солидный кусок восточной и северо-восточной Ливонии, приобретя при этом, что самое главное, Нарву и «нарвское плавание» (забегая вперед, отметим, что Нарвой Иван владел почти четверть века, до 1581 г.).

Однако этот успех был смазан тем, что распад Ливонской конфедерации и оккупация русскими восточной и северо-восточной Ливонии стали официальной причиной, по которой Вильно решил не продлевать перемирие с Москвой. Правда, вне всякого сомнения, если бы не было этой причины, нашлась бы другая. В отношениях Русского государства и Великого княжества Литовского к тому времени накопилось столько «горючего материала», а позиции двух сторон (в особенности литовской) были настолько непримиримы, что война, как уже было отмечено выше, была неизбежной. В этом отношении примечательна судьба идеи русско-литовского союза, нацеленного против Крыма. Выдвигавшаяся Москвой в конце 50-х гг. XVI в. и сопровождавшаяся серьезными внешнеполитическими уступками с ее стороны, она была Сигизмундом и панами рады похоронена, и в 1561 г., еще до завершения срока перемирия, литовцы первыми открыли боевые действия в Ливонии.

Боевые действия в ходе очередной **литовско-русской** (sic!) войны (1561–1572 гг.) во многом напоминали последнюю русско-литовскую войну времен Василия III – быстрый русский оглушительный успех (в нашем случае – взятие Полоцка зимой 1563 г.) и затем переход конфликта в вялотекущую стадию (и не в последнюю очередь это было связано с тем, что все усилия Ивана IV урегулировать отношения с Крымом оказались бесплодными и сосредоточить необходимые силы на литовском фронте не удалось). Правда, в итоге «по очкам» Иван сумел переиграть своего соперника, но последний, скончавшись вскоре после ратификации очередного перемирия, успел напоследок «заложить мощную мину» под сложившуюся к тому времени систему межгосударственных отношений в Восточной Европе, поспособствовав подписанию Люблинской унии 1569 г. И уния эта во многом была следствием того, что и сам Сигизмунд, и паны рады осознавали, что в схватке один на один Великое княжество Литовское Москве противостоять неспособно (кстати, создается впечатление, что и войну Литва начала потому, что очень сильно рассчитывала, и не без оснований, на поддержку со стороны Крыма).

Разгромив в 1572 г. Крым и добившись прекращения войны с Литвой, Иван попытался разрешить ливонскую проблему. Де-факто с 1570 по 1583 г., с момента начала осады Ревеля войсками герцога Магнуса, царского голдовника-вассала, и до подписания перемирия в Плюссе, русские будут сражаться со шведами за городки и крепости в Ливонии и юго-восточной Финляндии. И хотя истощенная многолетней войной, голодом и эпидемиями страна (напомним, что Россия не выходила из состояния войны фактически с 1546 г., когда была предпринята первая попытка нанести удар по Казани) уже не могла дать Ивану тех ресурсов, что двадцать лет назад, тем не менее, шаг за шагом, русские вытесняли шведов из северо-западной Ливонии, ужав шведские владения здесь до Ревеля с ближайшей округой. И, возможно, дело удалось бы довести до конца, если бы не победа на выборах короля в Речи Посполитой воинственного трансильванского воеводы Стефана Батория. Баториеву войну 1579–1582 гг. Иван Грозный проиграл, и, как уже было отмечено выше, не в последнюю очередь потому, что сил для новой войны после дорогостоящих побед над татарами и в предыдущей войне с Великим княжеством Литовским уже не оставалось. И, что должно было до глубины души оскорбить Ивана, воспользовавшись его слабостью, шведы сумели не только вернуть себе утраченные позиции в северной Ливонии, но и отвоевать у него ряд новгородских пригородов и Карелию.

Вне всякого сомнения, если бы не крымский фронт, из-за которого Иван IV был вынужден воевать что с Литвой, что со Швецией вполсилы, левой рукой, то исход войны за Ливонское наследство был бы для России более благоприятен. И, на наш взгляд, знаменитую фразу царя, обращенную к А. Курбскому («что же убо и ваша победа, яже Днепром и Доном? Колико убо злая истощания и пагуба христианом содеяшесе, сопротивным же не малыа досады... Еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению, случися такая пагуба православному христианству...») [10. С. 48]), можно истолковать самым неожиданным образом: как сожаление Ивана по поводу упущенных возможностей мирно урегулировать отношения с Крымом и Казанью. Результатом стала изнурительная многолетняя война с Крымом и необходимость подавлять вспыхивающие время от времени восстания в Казанской земле и, как следствие, невозможность добиться решающих успехов в противостоянии с Литвой. И в свете всего этого представляется, что главной войной для Ивана Грозного, и он это хорошо почувствовал уже в

начале 60-х гг. XVI в., была не война (или войны?) за Ливонское наследство, а борьба за Ордынское наследство, война с татарскими юртами. Именно здесь, в Поволжье и в южнорусских степях, решался в конечном итоге исход противоборства за гегемонию в Восточной Европе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод 1571-1580 гг.) // Памятники истории Восточной Европы. Москва; Варшава, 1998. Т. III.
2. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008.
3. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. М., 1957. Т. 1.
4. Клаузевиц К. фон. О войне. М., 2002. Т. 1.
5. Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII в.в., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1890. Вып. 9.
6. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2 (1533–1560) // Сб. Импер. Рус. Ист. о-ва. СПб., 1887. Вып. 59.
7. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3 (1560–1571) // Сб. Импер. Рус. Ист. о-ва. СПб., 1892. Вып. 71.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 29: Лебедевская летопись. М., 2009.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. М., 2009.
10. Послания Ивана Грозного. СПб., 2005.
11. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551-1561 гг.). Казань, 2006.
12. Разрядная книга 1559–1605. М., 1974.
13. Разрядная книга 1550–1636. М., 1975. Т. 1.
14. Разрядная книга 1475–1598. М., 1966.
15. Разрядная книга 1475–1605. М., 1981. Т. 2, ч. 1.
16. Разрядная книга 1475–1605. М., 1982. Т. 2, ч. 2.
17. Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.
18. Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962.
19. Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 58-69.
20. Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. Ч. II.
21. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
22. История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999.
23. Каган М. Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // Тр. Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. М.; Л., 1957. Т. 13.
24. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984.
25. Пенской В. В. Поход русского войска в Ливонию зимой 1559 г. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Тр. 3-й Междунар. науч.-практ. конф. 16-18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. 2.
26. Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12.
27. Попов В. Е., Филлюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № ½ (5/6). 2009.
28. Савва В. И. О Посольском приказе. Харьков, 1917. Вып. 1.
29. Филлюшкин А. И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010.
30. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Поступила в редакцию 21.01.13

T.M. Penskaya, V.V. Penskoj

The Main War of Ivan the Terrible

The problems concerning the history of foreign policy and military history of Russia in the second half of XVIth c. are considered. The authors suggest their original interpretation of military conflicts during the rule of Ivan the Terrible, their meanings and results.

Keywords: Russia, XVIth century, foreign policy, Ivan the Terrible, Livonian war, the Russian-Tatar wars.

Пенская Татьяна Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Пенской Виталий Викторович,
доктор исторических наук, доцент
E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Penskaya T.M., candidate of history, associate professor
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Penskoj V.V., doctor of history, associate professor
E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Belgorod State National Research University
308015, Russia, Belgorod, Pobedy st., 85